

До середины 2000-х годов финансовые интересы во внешней политике России не носили стратегического характера и определялись тактическими потребностями, связанными со сложным положением государственного бюджета и политическим желанием добиться признания России страной с рыночной экономикой. Устройство мировой валютно-финансовой системы воспринималось как данность, к которой необходимо адаптироваться. Кризис 1998 г. был воспринят в качестве результата слабости государственных финансов, ограниченности золотовалютных резервов и неточной расстановки приоритетов во внутренней денежной политике. Потеря фондовым рынком 85% своего объема в 1998 г. также была воспринята как трагическая неизбежность, порожденная общей слабостью российской экономики и государственных финансов.

Дискуссия о системных проблемах российской финансовой системы тем не менее велась, и основное внимание в дискуссии уделялось трудностям борьбы с инфляцией. Постепенно становилось ясным, что одной из (но не единственной) причин неудач в усилиях по снижению инфляции являлась тесная взаимосвязь российской финансовой системы с мировой и постоянный приток в страну иностранной валюты.

Российская финансовая система связана с мировой несколькими крупными каналами, главными среди которых являются российский экспорт и получаемые за него платежи в иностранной валюте, кредитование российских компаний из зарубежных источников (в иностранной валюте) и открытость российского фондового рынка, существенная часть средств которого изначально также номинирована в иностранной валюте. Экономические причины такой ситуации хорошо известны.

Экономический масштаб влияния мировой финансовой системы на российскую настолько существенен, что приобрел политический характер. Можно говорить о таких его политических проявлениях, как частичная потеря Россией суверенитета в денежно-финансовой политике и возникновение существенных валютных рисков национального уровня, ограничения на использование Россией финансово-экономических инструментов во внешней политике.

Глубокое осознание сложившейся ситуации пришло к политическому руководству страны с началом мирового кризиса 2008 г. Понимание заключалось в том, что целый ряд экономических и политических проблем России лежат в особенностях существующей мировой финансовой архитектуры, в которой есть как страны-производители мировых валют, так и страны-потребители мировых валют. Интересы стран-производителей далеко не всегда совпадают с интересами стран-потребителей, и Россия одной из первых подняла эту проблему на Лондонском саммите G-20.

Следует признать, что в тот момент позиция России, к тому же слишком амбициозно сформулированная, сколько-нибудь широкого понимания у участников саммита не нашла. Сегодня начался новый виток обсуждения этих проблем, уже по инициативе крупных держав, испуганных «войной валют», и обеспеченности мировых финансовых организаций, в частности Всемирного банка.

В это время Россия, не отказываясь от попыток скорректировать мировую финансовую архитектуру в рамках дискуссии G-20, обратила свои основные усилия на запуск региональных экономических схем со своими соседями, как ближними (Казахстан, Белоруссия, возможно, Украина), так и дальними (КНР, Турция). В перспективе эти экономические схемы должны привести к расширению использования рубля как расчетной, а возможно, и резервной валюты. Разумеется, даже при полном успехе такого рода проектов Россия не сумеет полностью преодолеть последствия того, что называется *original sin* – невозможности осуществлять все международные расчеты полностью в национальной валюте, но сделать рубль менее зависимым от политики иностранных регуляторов вполне может.

Вопрос о роли некоей национальной валюты в качестве мировой, например американского доллара, имеет как экономическую, так и политическую стороны и выглядит совершенно по-разному с точки зрения «производителя» мировой валюты и ее «потребителя». Более того, он выглядит по-разному для «потребителей» иностранной валюты разного экономического размера и различных политических амбиций. По этой причине политика малых государств в отношении признанной на сегодня мировой валюты кардинальным образом отличается от политики крупных экономик с серьезными политическими амбициями. Собственно, именно это мы и видим на примере действий стран БРИК в G-20 и Мировом валютном фонде. Попытаемся рассмотреть ситуацию с нескольких сторон, со стороны США и России, обозначив также и интересы малых стран.

Первое, что необходимо подчеркнуть, это то, что мировая валютно-финансовая система не формируется сама по себе, на рынке, естественным обра-

зом. В разные исторические периоды она сознательно и целенаправленно формируется ведущими в данный период в военном и экономическом плане государствами – странами-гегемонами – в своих интересах. Разумеется, формируемая система не была бы дееспособной, если бы она в какой-то степени не учитывала интересы всех участников мировой экономики, речь в данном контексте идет лишь об относительных выигрышах «хозяев» мировой финансовой системы.

Эту систему необходимо поддерживать и корректировать, для чего требуется поддержание лидерства в военной, экономической, научной, технологической и культурной областях. Через какое-то время держава-гегемон относительно слабеет¹, и государство-конкурент (группа государств), часто в результате войны, формирует новую политико-экономическую систему. Сейчас мы наблюдаем деградацию Ялтинско-Потсдамской системы политического устройства мира, но те же процессы видны и в Бреттон-Вудской (Ямайской) системе мировой финансовой архитектуры, непосредственно с ней связанной. Собственно, именно ввиду относительного экономического и политического ослабления США и Запада в целом, Россия, Индия и КНР и задумались о возможности модификации существующей финансовой системы в своих интересах. Интересы «пороговых» государств состоят в целом в том же, ради чего в свое время Соединенные Штаты формировали существующую финансовую архитектуру.

Какие экономические и политические выгоды получает государство, эмитирующее (производящее) мировую валюту?

Экономические выгоды.

Во-первых, государство получает прямой доход от сеньоража, который в данном случае рассматривается как выгода от того, что иностранцы держат наличную американскую валюту, не предъявляя ее к оплате. Точный доход США от циркуляции доллара за границей неизвестен, но большинство экспертов оценивают его приблизительно в 30 млрд долл. в год².

Во-вторых, обладание мировой резервной валютой позволяет создать мощный сектор по предоставлению услуг, связанных с этой валютой. Финансовый сектор США в последнее десятилетие давал 41% всех доходов американского бизнеса и создавал 8% ВВП США³. Разумеется, существенная часть этого объ-

---

¹ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict From 1500 to 2000. 1987.

² Lang B. The Value of Seigniorage // Currency News. December 2008. (<http://currency-news.com/articles/seigniorage>)

³ Creamer R. The Dominance of the Financial Sector Has Become a Mortal Danger to Our Economic Security. (http://www.huffingtonpost.com/robert-creamer/the-dominance-of-the-fina_b_317310.html)

ема падает на операции внутри США, но не менее половины связано с использованием американской валюты за границей в качестве универсального платежного средства и средства накопления. Зная объем американского ВВП, нетрудно заметить, что использование американского доллара за границей позволяет Уолл-стрит зарабатывать около полутриллиона долларов ВВП.

В-третьих, обладание мировой валютой дает американскому бизнесу за границей кредитные преимущества – при всех прочих равных, кредиты для американских компаний и банков будут более доступны, чем для иностранцев.

В-четвертых, во многих случаях государство-эмитент выигрывает за счет того, что иностранные государства держат золотовалютные резервы в государственных ценных бумагах, номинированных в этой валюте, а уровень доходности по этим бумагам часто ниже национальной инфляции.

И, наконец, самое главное – обладание мировой валютой позволяет отказаться от обладания обременительными и невыгодными золотовалютными резервами и финансировать государственный долг и дефицит платежного баланса собственной валютой.

Политические выгоды.

Обладание мировой валютой положительно влияет на политический и экономический имидж страны в мире, позволяет собирать и обрабатывать широчайший объем информации относительно экономической деятельности зарубежных государств, компаний, политических сил и частных лиц.

Непосредственная политическая выгода состоит в том, что страна-эмитент мировой валюты способна осуществлять широкие финансовые санкции в отношении третьих стран и компаний, так как их расчеты производятся через национальную банковскую систему. В случае политической необходимости такие расчеты могут быть остановлены, и торгово-финансовые операции стран (компаний) – объектов санкций в долларах будут заморожены.

Экономические и политические интересы растущих амбициозных государств – России, КНР и Индии – частично состоят в том, чтобы модифицировать существующую мировую финансовую архитектуру и получить свою долю отмеченных выше экономических и политических выгод. Вместе с тем на настоящий момент «позитивная» финансовая повестка дня (т.е. попытки что-либо получить) ограничилась совместным успешным выступлением по вопросу о перераспределении квот в МВФ. Страны БРИК сумели настоять на использовании паритета покупательной способности в качестве основы для подсчета ВВП, а следовательно, и квот участников МВФ.

В остальном страны БРИК, и прежде всего Россия, действуют самостоятельно, и главной задачей национальных политик является защита национальных финансовых систем от шоков, посылаемых мировой финансовой системой, укрепление национального монетарного суверенитета (обретение большей финансовой автономии от политики ФРС США и Европейского ЦБ), а также создание вокруг собственных экономик валютно-экономических зон, обладающих некоторой степенью защиты от разнонаправленных импульсов, исходящих от доллара и евро.

Эти приоритеты видны в российских проектах Таможенного союза (в будущем, возможно, общего рынка четырех постсоветских государств), индийской идее ведения «золотой рупии» для Южной Азии⁴, китайской политике двусторонних валютных свопов с основными торговыми партнерами в ЮВА и с Россией. Последнее нацелено на вытеснение доллара и евро из двусторонних торговых расчетов КНР с соседями. Россия проводит схожую политику в отношении КНР и Турции.

Стратегически Россия и КНР, в меньшей степени Индия, нацелены на формирование вокруг себя крупных региональных рынков, с достаточным (сотни миллионов) количеством потребителей, чтобы обеспечить его устойчивость, и создание привилегированного пространства для деятельности национального бизнеса. В идеале основным расчетным средством на этих рынках, а возможно, и резервной валютой, станет денежная единица, основанная на рубле, юане, рупии. Достижение такой цели помогло бы заместить во внешнеэкономическом обороте существенную часть долларов и евро, обеспечить большую монетарную независимость и получить, в ограниченном объеме, экономические и политические выгоды «производителя» международно признанной валюты.

Пока трудно сказать, насколько успешной окажется данная политика России, но уже сейчас ясно, что союзников у России в такой политике почти нет, за исключением КНР и Индии, которые имеют такие же цели в своих регионах.

США и Европейский союз такой линии России будут противодействовать по очевидным причинам, но и третьи страны Россию поддерживать не будут, так как, с одной стороны, собственное место в мировой валютно-финансовой системе они завоевать никогда не смогут, а российский вариант будет для них означать просто замену одной «не своей», но привычной валюты – доллара и евро – на другую. На сегодняшний день у американского доллара гораздо больше авторитета, и России при проведении своей линии придется выдерживать жесткую конкуренцию с политикой долларизации.

---

⁴ *Ranjan R., Prakash A.* Internationalisation of Currency: The Case of the Indian Rupee and Chinese Renminbi. Reserve Bank of India, 10 May 2010.

В современном мире большинство малых стран применяют тот или иной метод фиксации курса. Чаще всего курс фиксируют относительно не одной валюты, а стоимости корзины валют. Известным способом фиксации валютного курса является система, при которой центральный банк страны выпускает в обращение ровно столько национальной валюты, сколько обеспечено его золотовалютными резервами. В предельном случае государства идут на отказ от использования национальной валюты и используют во внутреннем обращении одну из мировых или региональных валют. Таких государств довольно много, это, например: Восточный Тимор, Сальвадор, Микронезия, Панама, Пуэрто-Рико (доллар США); Монако, Черногория, Сан-Марино (евро); Острова Кука, Кирибати (австралийский доллар); Северный Кипр (турецкая лира).

Американские экономисты и политики все громче выступают за расширение использования доллара во внутренних расчетах зарубежных стран, развивая вывод Ф. Хаека о том, что валютный суверенитет в международных транзакциях принадлежит не государствам, а участникам рынка, которые сами решают, какая валюта лучше сберегает стоимость. Такая система долларизации является спонтанной и естественной, определения «справедливая» или «несправедливая» к ней неприменимы⁵.

Сторонники долларизации мировой экономики отмечают, что долларизованные страны показывают гораздо более низкую инфляцию, чем недолларизованные⁶. Управление рисками в долларизованных экономиках гораздо проще и дешевле, чем в недолларизованных. Долларизация экономики обеспечивает высокую монетарную дисциплину и стабильность.

Сможет ли ЦБ России обещать и обеспечить странам, готовым принять рубль, такие же или лучшие условия?

Что теряют в экономическом плане страны, согласившиеся на долларизацию своей денежной системы?

Во-первых, они теряют возможность проводить свою собственную монетарную политику. Сторонники распространения зоны доллара указывают, что в экономическом смысле этот аргумент несостоятелен, так как ни одна из развивающихся стран не способна обеспечить своей валютой лучший денежный режим, более низкие ставки и более низкую инфляцию, чем то, что мы наблюдаем в США.

---

⁵ Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 2. The Mirage of Social Justice. L., 1976.

⁶ Edwards S., Magendzo J. Dollarization and Economic Performance: What Do We Really Know? // International Journal of Finance and Economics. 2003. № 8. P. 351–363.

Во-вторых, страны, переходящие на доллар, теряют «последнего кредитора в отчаянной ситуации», т.е. не могут использовать свой центральный банк для эмиссии дополнительных денег, которые будут использоваться для срочных мер по спасению прогорающих банков и фирм. Сторонники использования доллара считают, что меры по спасению фирм разрушительны для национальной экономики и, как правило, осуществляются за общественный счет в интересах банков и фирм, аффилированных с политическим режимом.

В-третьих, переходящее на доллар государство теряет доходы от сеньоража – дохода государства от печатания денег. Сторонники долларизации на это возражают, что государство, конечно, получает доходы от сеньоража, но эти доходы оплачивают граждане в виде инфляционного налога, так что нация в целом ничего не выигрывает.

В-четвертых, переходящее на доллар государство теряет национальный символ – свою валюту. Сторонники долларизации указывают, что слабая и нестабильная национальная валюта и так является достаточно девальвированным символом во многих странах, так как их граждане во многих случаях предпочитают национальной валюте доллар или другие международные валюты.

Следует отметить, что для большинства небольших развивающихся стран потеря независимой денежной политики не является крупной проблемой и плюсы от фиксации валютного курса перевешивают минусы. Проблема фиксации курса или отказа от национальной валюты в целом лежит в основном в политической плоскости и касается степени суверенитета, который то или иное государство желает сохранить, эффективности рычагов вмешательства в экономику, которое намерено иметь государство, а также баланса государственных интересов и интересов личности, сложившихся в той или иной стране. Позиция Вашингтона по этому вопросу довольно откровенна. По мнению американцев, зарубежные государства и их народы должны сделать выбор между эффективной денежной системой, сопровождаемой потерей монетарного суверенитета, или сохранить такой суверенитет, но платить за это инфляцией, экономической нестабильностью и медленным развитием экономики. В политическом плане такой выбор означает в конечном счете выбор между «маленьким» и «большим» государством, либерализмом и автократией.

Предлагая доллар в качестве универсальной валюты, американцы, естественно, действуют в своих интересах, которые для США состоят прежде всего в сохранении возможности покрытия дефицита платежного баланса национальной валютой. Вместе с тем в «долларовой» политике отражается и их специфическое политическое видение мира. Среди американских политиков и бизнес-

менов укоренилось мнение, что само существование многочисленных валют иностранных государств является противоестественным и отражает исключительно интересы правящих элит зарубежных стран, а не их народов. Интерес обыкновенных граждан, считают американцы, состоит в использовании надежной, твердой и популярной валюты, такой как доллар. Иностранные же валюты существуют только потому, что зарубежные правящие элиты не позволяют своим гражданам использовать более привлекательную и надежную валюту, так как это лишило бы правящие элиты возможности манипулировать денежным обращением в своих корыстных или превратно понимаемых политических интересах.

Таким образом, успех или неудача политики России в расширении зоны рубля будет зависеть в равной степени от того, насколько привлекательной и надежной валютой Россия сумеет сделать свой рубль, и от того, насколько упорно и последовательно будет проводиться российская политика. Следует упомянуть еще как минимум два обстоятельства, которые нужно учитывать при принятии решения о расширении зоны рубля. Первое, в этом случае Россия должна будет добровольно отказаться от манипулирования с курсом рубля, иначе будет невозможно укрепить доверие к новой региональной валюте. Второе – России придется наращивать внешний долг, так как это самый эффективный инструмент распространения собственной валюты за границей.